

Четвёртый день

– Казалось, вот он, Бог –
вложи персты и веруй.
И жил в монастыре,
и чудеса узрел.
Чего ж тебе ещё,
ни в чём не знавший меры?
Каких тебе ещё
от Бога надо дел?
– От Бога моего
я дел не жду, ей-богу.
Я знаю, что Он ждёт
с гостинцами меня.
И я ему несу к великому итогу –
на блюде золотом свои четыре дня.
В день первый у меня
родился сын мой первый,
и не родился сын
второй мой в день второй.
Ну а на третий день –

во укрепление веры,
склонился в церкви я
над мёртвою сестрой.
А после шёл к нему
я ни живым, ни мёртвым —
ни мёртвым, ни живым
шёл к Богу своему.
С гостинцами тремя —
за днём своим четвёртым.
Я всё ему отдам.
Я всё отдам ему.

Периферийное зрение

Когда ты мне была совсем не рада —
я в форточку, как пробка вылетал
и прорастал из неба снегопадом
и из земли травую прорастал.

И видел я, как ясно смотрят дети,
и слышал я движение комет...
И не было меня на этом свете,
и не было меня на этой тьме.

Так спичка за секунду до горенья
ложится волосами на чиркаш...
Так бабочка садится на блиндаж
и видит смерть периферийным зреньем.

Могильная ограда — не преграда,
мой поводырь, сестра моя — душа.
Ведь, что есть смерть для кисти винограда
на крохотный ладонях малыша...

***

Загляни в себя – узнаешь, кто ты, –
только не умри от удивленья.
Красные мерцающие соты
и простые принципы деленья.
Получая знания на вырост –
есть опасность получить в придачу
самый древний в этом мире вирус
и пучок бессонницы на сдачу.
Человек доходит до предела,
а предела нет на самом деле.
Тело, ты пойми, – всего лишь тело –
ходит в том, что на него надели.
Что же есть любовь, мой друг Овидий?
От чего она нас очищает?
Ты уже достаточно увидел...
Даже больше чем глаза вмещают.

Ольга

– Ты, горе и величие несущая в горсти,
души моей язычество прими или крести.
Скажи мне, Ольга, видно ли, при тусклом свете дня
тебе – святой, как идолы горят внутри меня?
Мы все, как свечи выгорим на медленном огне,
ты, выпитая Игорем зачем явилась мне?

– Затем, что стоит сжечь иных, чтобы спасти семью,
затем, что сердце женщины баюкает змею...
Затем что всякий идол мал под полною луной.
Затем, что ты всё выдумал!

Мне страшно тут одной...

***

Сестра ушла. И в горле комом хлеба
застрял вдруг то ли выдох, то ли вдох...
Сестра ушла – наверное на небо –
она ведь верила, что где-то в небе Бог...
И где-то там – в сияющей сорочке
гуляет с Ним меж огненных светил...
И ангелы ей посвящают строчки,
а я – и слова ей не посвятил...
Закат, распятый на оконной раме,
воскреснет, если рама прогниёт.
Я видел смерть – она стояла в храме,
и я ничем не зашвырнул в неё.
Мне от вины своей укрыться нечем –
мне мальчик задает вопрос из тьмы:
«Как мне в глаза сестре смотреть при встрече?
Что ей сказать?
И встретимся ли мы...».

***

Ремарк уехал из России –
его остаться не просили.
Мужик поставил кофеварку
на место «Триумфальной арки».
И бабы не заголосили:
«Ремарк уехал из России!».
Писались новые романы.
Пустели сёла и карманы.
Ковались танки и подлодки.
Как прежде продавалась водка.
А миловидная доярка
не знала вовсе про Ремарка.
Я, прочитав его романы –
деньгами не набил карманы.
Не строил танки и подлодки,
стал пить кальвадос чаще водки.

Дружить с Ремарком было б клёво,
а вместе выступать – вообще!
Но я остался с Гумилёвым,
чтоб умереть не при враче.

***

При жизни он не ездил на такси,
а умер – катафалк к парадной двери
подъехал, и водитель осетин
дубовый гроб усталым взглядом смерил...

И ювелирный заводской запил,
и крышку из клеёного массива.
Старик всю жизнь на этот гроб копил –
не ел, не пил – чтоб умереть красиво.

***

Разглядев перепонки
между пальцев своих
осознаешь, как тонки
твои вены для сих
стихотворных процессов,
выходящих за все,
не имеющих веса
и подобных росе,
на траве мирозданья,
у подножья горы,
на которой свиданье,
с той чьи зубы остры,
с той, что бешено сжала
твои мысли в когтях
и ворочает жалом
в твоих хрупких костях –

этот гул за плечами,
это зренье стрекоз —
это кровь отвечает
на извечный вопрос.

***

От горных вершин до земных низин:
повсюду следы наших лап.
Господи, я никудашный сын
и никудашный раб.
Я не умею, как царь Давид,
петь для Тебя псалмы.
Господи, мой непотребен вид,
мысли мои хромы.
Знаю: Твой мир справедлив и прост,
не мыслю о мире ином.
Вот только когда начинается пост,
приходят друзья с вином.
Так и припрёмся оравой всей
мы на небесный трап.
Папа, я в гости позвал друзей...
Мы правда тихонько, пап.

***

Такая суть внутри, что кажется, одна
оброненная мысль — и я сгорю, как роща...
И влага есть на дне, и не достать до дна.
И где-то счастье есть — я знал его наощупь.
Что воля и покой? — два тусклых фонаря.
Они в его лучах — нелепая подсветка...
Не предавай меня — не то во мне сгорят
последние слова, как высохшие ветки.